

Государство на измене

Многодетные матери, служащие Черноморского флота, бывшие директора ядерных предприятий и оборонных заводов, и даже сотрудники РПЦ. Во всех последних историях о госизмене, всплывающих ныне практически каждый день, есть одна схожая черта: легкость обвинения. Причина же развившейся шпиономании кроется скорее не в активизации работы зарубежных разведок, а в сотрудниках ФСБ, которым уж очень хочется вписаться в украинский контекст, чтобы заработать дополнительные очки. Благодаря поправкам в 275-ю статью УК РФ — «Госизмена» — теперь таковой считается не только разглашение гостайны, но и оказание консультационных услуг представителям иного государства. Поэтому измену и шпионаж можно при желании обнаружить практически в любом контакте с иностранцами любого человека — вовсе не обязательно быть носителем гостайны и располагать секретными сведениями.

Итак. На сегодняшний день помимо многолетней жительницы Вязьмы, сообщившей украинскому посольству о возможной переброске местных воинских частей в сторону Донецка, в госизмене и шпионаже (наказание до 20 лет лишения свободы) обвиняются:

ЕВГЕНИЙ ПЕТРИН

Сотрудник РПЦ был задержан еще в мае 2014 года, однако известно об этом стало только сейчас. Обвинение — госизмена и сотрудничество со спецслужбами США. Петрин с 2006 по 2011 год работал на космодроме Плесецк, а в 2011 году устроился на работу в ФСБ, где дослужился до офицерского звания. В 2013 году уволился и перевелся в отдел внешних церковных связей Московского патриархата в Киеве, где, по словам родственников, стал подумывать о карьере священника. Но, по версии следствия, Петрин сотрудничал с американскими шпионами и передавал им информацию о роли и деятельности РПЦ в политике на юго-востоке Украины. Сам обвиняемый уверяет, что ему якобы удалось выявить среди сотрудников патриархата внедренных агентов, работающих в пользу США на раскол Русской и Украинской православной церкви. Однако собранная им информация не заинтересовала ФСБ (он направлял туда письма), и он на свой страх и риск решил продолжить общение с подозрительными личностями, чтобы «выудить из них больше информации». Но в ФСБ расценили все это по-своему.

Как следует из жалоб Петрина, при задержании его пытали 14 часов, угрожали провокацией суицида, и он вынужден был признать свою вину. Однако ни СК, ни Генпрокуратура не нашли подтверждения этим утверждениям Петрина, и в итоге к госизмене добавились обвинения в клевете. Сейчас Петрин отказался от ранее данных показаний, и его отправили в Институт имени Сербского, где психиатры признали его здоровым. В начале февраля 2015 года Лефортовский суд продлил Петрину срок содержания под стражей до 5 апреля.

ЮРИЙ СОЛОШЕНКО

Бывший директор украинского оборонного завода «Знамя» Юрий Солошенко обвиняется в шпионаже. Завод был крупным производителем ламп бегущей волны для аппаратуры связи, радиолокационных станций для средств противовоздушной обороны. По словам родных Солошенко, в 2010 году он ушел на пенсию, но сотрудничал с российским и украинским министерствами обороны. В августе прошлого года Солошенко как раз поехал в Москву, чтобы пообщаться со своими партнерами по вопросу купли-продажи оборудования. Его задержали сразу же, как он сошел с поезда на Киевском вокзале. Суд санкционировал арест, несмотря на преклонный возраст — 72 года.

Материалы дела имеют гриф «Секретно», поэтому подробности неизвестны. Под стражей пенсионер уже полгода. Страдает ишемической болезнью сердца, тахикардией, давлением. Посещавшим его членам ОНК Солошенко рассказал, что уже написал прошение о помиловании президенту Путину. По некоторым данным, он признал свою вину в контрабанде: якобы вез в Россию из Украины какой-то прибор. В феврале Лефортовский суд продлил ему срок заключения до 5 мая.

ВЛАДИМИР ГОЛУБЕВ

Бывший ведущий научный сотрудник Российского федерального ядерного центра — Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (РФЯЦ—ВНИИЭФ) в Сарове Владимир Голубев обвиняется по ч. 1 ст. 283 УК РФ («Разглашение гостайны»). Дело возбуждено еще летом 2014 года. Поводом стал доклад ученого, посвященный взрывчатым веществам, с которым он выступил на конференции в Чехии в 2013 году и позже опубликовал в одном из научных журналов. В следственном отделе УФСБ по Нижегородской области посчитали обнародованную информацию гостайной. Защита опровергает это, заявляя, что сведения из доклада в свободном доступе с 1980 года и тайны не представляли. В ближайшее время адвокаты намерены добиться отмены взятой с них подписки о неразглашении, после чего представить развернутые комментарии.

Сам Голубев, который в начале 2013 года ушел на пенсию, проработав в институте 38 лет, уверен, что дело в отношении него сфабриковано по доносу его коллег из центра, которые и дали заключение о наличии гостайны. Обвиняемый находится под подпиской о невыезде.

СЕРГЕЙ МИНАКОВ

Члена экипажа танкера «Койда», который входит в состав Черноморского флота России, был задержан в Крыму совсем недавно. Обвинение — шпионаж (статья 276 УК РФ). Спецслужбы провели следственные мероприятия прямо на борту судна, затем подозреваемого доставили в Москву. Лефортовский суд постановил заключить Минакова под стражу на 2 месяца. Подробности уголовного дела пока неизвестны. Также не разглашается, в пользу какой страны будто бы шпионил Минаков.

ГЕННАДИЙ КРАВЦОВ

Также в этом месяце стало известно о задержании в прошлом году в Москве спецслужбами Геннадия Кравцова, который обвиняется в передаче секретной информации одной из западных стран («Государственная измена», статья 275 УК РФ). В какую именно страну он отправлял информацию и кем работал («Новой» известно лишь, что он бывший сотрудник ГРУ), не уточняется. Дело имеет гриф «Совершенно секретно». Родственники Кравцова сказали «Новой газете», что пока опасаются придавать его дело огласке. Лефортовский суд продлил ему арест до 27 марта 2015 года.

ФСБ все эти уголовные дела не комментирует, ссылаясь на тайну следствия.

Что происходит: это самодеятельность ФСБ или политика российского руководства? К чему все это приведет, как защищаться и на что рассчитывать обвиняемым? Об этом «Новая» расспросила специализирующегося на такого рода делах адвоката Анну Ставицкую, защищавшую одного из первых обвиняемых эпохи нынешнего президента — Игоря Сутягина, и бывших «изменников» и «шпионов»: самого Сутягина, Валентина Данилова и Григория Пасько.

Анна СТАВИЦКАЯ:

— Дело в том, что в 2012 году в статью 275 УК РФ («Государственная измена») внесли изменения. Тогда многие правозащитники говорили об опасности этого и очень серьезно боролись за то, чтобы закон в таком виде не был принят. Почему? Формулировка государственной измены и в предыдущей редакции была достаточно расплывчата, а в 2012 году законодатель настолько расширил понятие государственной измены, что стало возможным привлечь к ответственности даже домохозяек. В частности, ранее государственная измена подразумевала под собой выдачу государственной тайны, шпионаж и «иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации». В новой редакции из конструкции статьи исключили понятие враждебной деятельности и понятие внешней безопасности, которые трансформировались в деятельность, направленную против безопасности РФ.

Что такое безопасность, в законе опять же не определено. Это может быть и экономическая, и экологическая, и внешняя, и любая другая безопасность. При этом иное оказание помощи теперь определено как оказание финансовой, материально-технической, консультационной и иной помощи не только иностранному государству и иностранной организации, но также и международной организации в деятельности, направленной против безопасности РФ.

То есть теперь нынешняя конструкция «государственной измены» в принципе позволяет привлечь к ответственности людей, сотрудничающих с международными организациями — например, такими уважаемыми, как Московская Хельсинкская группа (МХГ), «Эмнести интернейшнл». Согласно новой редакции ст. 275 УК РФ, консультационная помощь Московской Хельсинкской группе может при желании и в искаженном воображении наших правоохранителей превратиться в государственную измену. Например, сотрудник МХГ рассказал представителю «Эмнести интернейшнл», как в России плохо с правами человека, а «добрый» следователь посчитал, что это сетование — угроза безопасности Российской Федерации, а саму беседу — консультационной помощью международной организации.

Хотя даже при такой конструкции 275-й статьи совершенно никто не отменял само уголовное право. Что я имею в виду? Чтобы привлечь к ответственности какого-либо человека, необходимо четко доказать наличие в его действиях признаков объективной и субъективной стороны состава этого преступления, в частности прямого умысла. Надо доказать, что, когда человек оказывал консультационную помощь международной организации, он прекрасно понимал, что эта помощь направлена против безопасности РФ, понимал против какой именно безопасности и также прекрасно отдавал себе отчет в том, что тот, кого он консультировал, вел деятельность, направленную против безопасности РФ. Повторюсь: это надо доказать. Но наши правоохранители намеренно забывают об этом.

Сейчас получается, что, даже если ты не имеешь отношения к какой-либо государственной тайне, тебя, при желании, можно привлечь к ответственности за государственную измену.

Григорий ПАСЬКО, военный журналист. В ноябре 1997 года был арестован по обвинению в «государственной измене». Капитан 2-го ранга, он параллельно с работой в «Боевой вахте» сотрудничал с приморским бюро японской телекомпании NHK, а также японской газетой «Асахи», где получал гонорары за опубликованные материалы. Уголовное дело в отношении возбудило УФСБ по Тихоокеанскому флоту, сотрудники которого утверждали, что журналист передавал японцам за деньги секретные сведения об обороноспособности России. В 2001 году военный суд Тихоокеанского флота признал Пасько виновным в госизмене в форме шпионажа и приговорил к 4 годам лишения свободы. Военная коллегия Верховного суда РФ оставила приговор в силе. Отбыв в заключении более полугода, Пасько освобожден условно-досрочно.

— Изменения в статье действительно произошли серьезнейшие. Два существенных фактора выпали — враждебность в действиях обвиняемого и наличие ущерба по отношению к родине, которой они якобы изменили. Раньше нужно было доказывать и ущерб, и враждебность. То есть фээсбэшники новой редакцией статьи 275 УК РФ тупо облегчили себе задачу.

И эти изменения решили внести не в 2012 году, а гораздо раньше: поправки лет 8 пылились в Госдуме. И в этих поправках уже не было понятий враждебности и ущерба. Потому что они оказались вообще недоказуемыми в десятке громких процессов: делах Никитина, Соффера, Щурова, Кайбышева, Моисеева, пермской газеты «Звезда», Тrepашкина, Данилова, Сутягина... Во всех этих делах ФСБ опозорилась. И нужна была такая формулировка, чтобы без сучка без задоринки можно было осудить любого человека, вплоть до домохозяйки с 7 детьми.

Псевдошпионские дела, как бы это помягче сказать, всегда вылезают на фоне какого-то обострения — весной, осенью, в полнолуние. Обстановка в стране, психологический климат сейчас таковы, что оборотни воют на Луну. Обостряются все симптомы, и они спрашивают друг друга: а что же мы сидим, как идиоты, когда на Украине война идет?! Нам же тоже нужны медали на грудь, нам же о себе заявить снова надо...

Игорь СУТЯГИН, ученый, бывший сотрудник Института США и Канады РАН, кандидат исторических наук. 5 апреля 2004 года коллегия присяжных единогласно признала Сутягина виновным в том, что он в конце 1990-х за вознаграждение передавал секретные сведения предполагаемым разведчикам США, работавшим под прикрытием английской фирмы. Мосгорсуд на основании вердикта присяжных приговорил Сутягина за шпионаж к 15 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. В 2010 году, проведя в заключении почти 11 лет, в результате обмена между Россией и США был освобожден и оказался в Великобритании, где живет и работает.

— Да, обвинение по этой статье стали предъявлять интенсивнее, чем в начале 2000-х. То, что происходит сейчас, — это уже просто полная отвязанность. Ярослав Гашек в «Похождениях храброго солдата Швейка» писал: «Когда сверху обращают внимание вахмистров на то, что не исключена возможность появления в их районе разведчиков, жандармские вахмистры начинают

вырабатывать этих разведчиков оптом. Если война продлится, то все жандармские отделения превратятся в сумасшедшие дома». Сейчас происходит именно это. У людей полностью развязаны руки.

В 1999-м и в 2000-м волна шпиономании появилась на волне страха перед ельцинским решением фактически расформировать областные управления ФСБ и создать вместо них «кусты», когда подмосковная часть Европейской России — 6—8 областей контролировались бы одним суперуправлением (похоже на принцип федеральных округов). А каждое областное управление, как вы понимаете, это — генерал-майор. А если это главное управление — в Санкт-Петербурге и Москве, то это — генерал-лейтенант. То есть огромное количество генералов теряют работу и влияние. Поэтому в тот момент они и решили доказывать свою нужность, и каждое управление отчиталось о пойманном «шпионе».

Вот что-то похожее, как мне кажется с расстояния, происходит сейчас. На фоне феерического провала аналитики, прогноза и разведки в Украине ФСБ пытается спасти лицо в глазах главного получателя своей информации, показывая свою нужность через привычные отработанные приемы — «шпионов». ФСБ ведь добилась права ведения разведывательной деятельности на территории бывшего Советского Союза под предлогом того, что Главное разведывательное управление (ГРУ Генштаба), которое отвечало за эту работу, мол, не справлялось. ФСБ давала радужные прогнозы о том, что 99% населения Украины с радостью присоединится к России, и все у нас получится, а Украина развалится.

Знаете, есть правило такое — «У2», по которому работают спецслужбы — угадать и угодить. Однако эти прогнозы оказались столь феерически неправильными, что теперь не исключено, что отношение к этой спецслужбе у главного получателя ее информации — очень и очень негативное. Они его очень сильно подставили. Ведь, основываясь на этих их прогнозах, строилась политика.

Валентин ДАНИЛОВ, бывший директор теплофизического центра Красноярского государственного технического университета, известный в России специалист по космической плазме, кандидат физико-математических наук. Данилов, по заказу китайской стороны, занимался изготовлением испытательного стенда, на котором можно моделировать воздействие космического пространства на искусственные спутники Земли. УФСБ по Красноярскому краю обвинило его в измене Родине. Был приговорен в ноябре 2004 года к 14 годам лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима. Причем первый состав присяжных оправдал его, но коллегия потом разогнали, а вторая коллегия признала физика виновным единогласно. Условно-досрочно освобожден 24 ноября 2012 года.

— Причина происходящего сейчас — идет сокращение численности ФСБ и МВД. Следственное подразделение ФСБ должно какие-то планы сдавать, им объективно нужны какие-то дела. А шпионы и госизмена — практически единственная их тема, она маленькая, узенькая. Надо что-то придумывать. А что и как? Отсюда возникают такие дела. Но возбуждать дело о госизмене против многодетной матери — это слишком непрофессионально. И общество на это сказало: да ну, вы что?!

Я думаю, ФСБ все же работает по реальным делам, просто мы о них не знаем — потому что реальные дела проходят тихо. А вот какие-то скандальные вещи (это, видимо, перевыполнение плана) привлекают общественность. Предполагаю, передача следственных функций ФСБ в СК решила бы некоторые проблемы.

Кстати, никто об этом не говорит, но в статье 275-й есть нюанс — государственную измену можно совершить только с прямым умыслом. Обязательно должен быть прямой умысел. Даже враждебность необязательна. Но это как-то не учитывается.

На чем построены шпионские дела и как проходят следствие и суд?

Григорий ПАСЬКО:

— У меня на эту тему есть дипломная работа, которую я писал, заканчивая юридический факультет РГГУ. Если коротко: они построены на фальсификациях и уверенности в том, что и прокуратура, и суды априори стоят на стороне следствия ФСБ. А противостоять такой триаде сложно. Но можно и нужно! Следствие и суд идут долго и нудно. И меньше всего это похоже на состязательный процесс.

Анна СТАВИЦКАЯ:

— Обычно с адвокатов по таким делам берут подписку о неразглашении государственной тайны и о неразглашении тайны следствия, что резко сокращает инструментарий защиты. Да и судебное заседание проходит в закрытом режиме. К тому же 275-ю статью исключили из-под юрисдикции суда присяжных. Сейчас решение может выносить только один судья.

К чему должен быть готов обвиняемый

Игорь СУТЯГИН:

— Самое первое — знаменитое научное горькое правило: надеяться на лучшее, готовиться к худшему. В сегодняшней ситуации, к сожалению, ни на что хорошее рассчитывать нельзя. У меня, например, в самом начале были те самые розовые очки, и только 8 лет понадобилось, чтобы понять, что НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ НУЖНО ВООБЩЕ РАЗГОВАРИВАТЬ с оперативниками и следователями. Потому что любое твое слово будет вывернуто против тебя. Моя ошибка заключалась в том, что я искренне верил и пытался доказать свою невиновность, пытался помочь этим людям понять, что они ошибаются. Но они не хотели этого понимать: их это не интересовало. Им важно, чтобы были какие-то бумаги в деле. Ведь если дело будет абсолютно пустым, то тогда им очень сложно что-то доказывать, тогда абсурдность более будет выступать. Так что не следует рассчитывать на то, что, объяснив кому-то что-то, ты сможешь защититься. Эти люди — они все достаточно хорошо понимают, они неглупые. Их не волнует истина, их задача — посадить.

Григорий ПАСЬКО:

— Защищаться нужно, четко представляя себе, что перед вами никакое не государство. Надо быть готовым к тому, что даже Закон в этом случае окажется бессильным: во многом он будет использован только тогда, когда он против вас. Придавайте дело огласке, просите своих адвокатов устраивать пресс-конференции, призывайте общественность.

Анна СТАВИЦКАЯ:

— Если вы хотите бороться — нужен хороший адвокат, который будет помогать. Если не хотите или считаете, что чем тише будет, тем лучше, и что нужно делать так, как говорят правоохранительные органы, то выбирайте соответствующего адвоката, который «договорится» о «снисхождении». Последний вариант я считаю неправильным. Но, к сожалению, так как у нас особо никто не верит в правосудие, многие выбирают именно его. Если же у вас хороший адвокат, то он вполне может общаться с прессой, не раскрывая существа дела, рассказывать о проблемах дела и помощи, в которой нуждается его подзащитный.

Валентин ДАНИЛОВ:

— Есть 51-я статья Конституции, которая дает человеку право не свидетельствовать против себя. Ее стоит придерживаться, она ни в коей мере не умаляет позицию человека. Вообще говоря, не надо давать вообще никаких показаний. Потому, что с момента, когда вы стали подозреваемым или обвиняемым, все ваши слова могут быть использованы против вас. А если это так, то зачем их вообще говорить? Я тоже много времени потратил, когда пытался свою невиновность доказать следователям. Но сейчас я понимаю, что это было совершенно напрасно. Никто тебя не слушает.

Я бы вообще допросы отменил. Ведь по-любому допрашиваемый — виновен он, или нет — лицо заинтересованное. Сколько мы знаем случаев оговора. Доказательства должны быть связаны не с показаниями обвиняемого, а с прямыми уликами. Как говорил профессор Александр Соломонович Горелик, сто косвенных улик не заменит одной прямой.

Так что не надо оправдываться. Для этого есть адвокаты. Нужно четко понять, в чем вас обвиняют, и с помощью защитника парировать. Если вы невиновны, конечно.

Что будет — прогнозы

Анна СТАВИЦКАЯ:

— Теперь публичным людям — правозащитникам, юристам, журналистам, которые имеют большой спектр общения, часто выступают, — надо сто раз подумать над тем, что они говорят и пишут. Все рассчитано на то, что теперь каждый будет задумываться: привлекут его или не привлекут за то или иное слово, и надо ли ему вообще общаться с иностранцами?

Григорий ПАСЬКО:

— Как там в песне? «Вы полагаете, все это будет носиться?» — «Я полагаю, что все это следует шить». Если дела шьют, значит, кому-то это нужно. Будут новые дела, новые обвинения. К слову, никто ведь не помешает чекистам завтра придумать новую редакцию статьи о госизмене: вернуть в нее, к примеру, бегство за границу. И вспомнить все дела — от Нуриева до Гуриева.

Игорь СУТЯГИН:

— Стоит ожидать того, что самые невероятные и абсурдные обвинения переживут любую проверку судами и прокурорами. И ничего их авторам за это не будет. По моему делу были абсурдные обвинения, но они 5 лет пытались их пропихнуть. Сейчас ситуация такая, что нет нужды 5 лет их проталкивать. Проталкивают прямо сразу. Но у тех, кто вынужден в силу своего положения — служебного или социального — думать, в общем-то, похоже, зреет понимание, что это не путь. Вопрос в том, до какой степени исполнители будут готовы все это осуществлять, если, например, из-за кризиса им перестанут платить.

Валентин ДАНИЛОВ:

— Я бы не стал драматизировать. Слава богу, многодетной матери изменили меру пресечения. Я очень рад, что общественность приложила к этому руку. Внимание общественности — это здорово. Я всегда говорил, что именно общественный контроль за деятельностью правоохранительной системы является главной определяющей. Если общество отслеживает, как соблюдаются законы, то, соответственно, будет результат. Если оно будет хранить молчание и будет уподобляться баранам, то тогда с ним соответствующим образом и будут поступать. Так что многое зависит от нас с вами.

Автор: Вера Челищева

Источник: Новая газета, 15.02.2015

Ссылка на СМИ:

<http://www.novayagazeta.ru/inquests/67277.html>